

А. С. Бондарев*

Двухуровневая структура правовой культуры

Понятие правовой культуры. Ученые-юристы как в 60–70-е гг. прошлого века, так и сегодня термин «правовая культура» используют для обозначения разнообразных фрагментов правовой действительности. В одном случае под правовой культурой понимается некоторая совокупность духовных ценностей, связанных с реализацией права¹. В другом — к правовой культуре относится более широкий набор духовных ценностей и не только правовых. Так, по мнению В. М. Чхиквадзе, «правовая культура — это система определенных правовых идей, нравственных норм и других духовных ценностей, формирующих правосознание и направляющих поведение социальных групп, коллективов и отдельных личностей в соответствии с требованиями социалистического права и законности»².

В юридической литературе встречаются определения правовой культуры, которые отождествляют ее со всей правовой системой. Так, В. И. Каминская и А. Р. Ратинов предложили под правовой культурой понимать систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, и их отражение в сознании и поведении людей. Раскрывая далее содержание данного феномена, они пишут: «На наш взгляд, в состав правовой культуры входят следующие наиболее крупные культурные компоненты: право как система норм, выражающих государственные веления; правоотношения, то есть система общественных отношений, регулируемых правом; правовые учреждения как система государственных и общественных организаций, обеспечивающих правовой контроль, регулирование и исполнение права; правосознание, то есть система духовного отражения всей правовой действительности; правовое поведение (деятельность) как правомерное, так и противоправное»³.

В отечественной юридической науке и сегодня существуют полярные определения понятия «правовая культура». В подтверждение сказанного приведем лишь некоторые из них. Правовая культура — это «совокупность правовых ценностей, выработанных человечеством, отражающих прогрессивно-правовое развитие общества», — считает Н. Н. Вопленко⁴; это «совокупность знаний и навыков, умение применять их на деле, обеспечить законность», — утверждают П. П. Баранов и А. П. Окусов⁵; это «качественное состояние жизни общества» — мнение Л. А. Морозовой⁶; это «совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившая достижения правовой

* Доцент кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

¹ См., например: *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; *Лукашева Е. А.* В. И. Ленин о правовой законности // Социалистическая законность. 1964. № 4. Правда, в более позднем произведении у С. С. Алексеева иной взгляд на правовую культуру: «Это состояние правосознания, законности, совершенство законодательства и юридической практики, выражающее утверждение и развитие права как социальной ценности» (*Алексеев С. С.* Проблемы теории права. Свердловск, 1972).

² *Чхиквадзе В. М.* Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14. С. 51.

³ *Каминская В. И., Ратинов А. Р.* Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 43.

⁴ См.: *Вопленко Н. Н.* Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. С. 41.

⁵ См.: *Баранов П. П., Окусов А. П.* Аксиология юридической деятельности. Ростов н/Д, 2003. С. 72.

⁶ См.: *Морозова Л. А.* Теория государства и права. М., 2002. С. 370.

мысли, юридической техники и практики», — пишет В. П. Сальников¹; это «обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека», — считает А. П. Семитко². По мнению Е. А. Певцовой, в современной юриспруденции насчитывается около 250 различных определений правовой культуры³.

Основываясь на анализе приведенных выше представлений о правовой культуре, можно сделать следующий вывод: правовая культура должна обладать своим специфическим содержанием, отличным от всех других правовых явлений — правосознания, права, правоотношений и т. д. Она не может быть и совокупностью всех правовых явлений общества, как представили ее В. И. Каминская и А. Р. Ратинов, не может быть либо широкой, либо узкой, она — едина.

Категория «правовая культура» характеризует не те или иные правовые ценности, а субъектов права — и коллективных, и индивидуальных. Она есть степень их правовой развитости, правового совершенства, высокий уровень их способностей качественно творить, умело и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей, своих правомерных интересов и потребностей.

Правовая культура — явление конкретно-историческое, ибо степень правовой развитости, правового совершенства субъекта права находится в прямой зависимости от конкретно-исторической ступени развития классового общества и его правовых ценностей.

Правовая культура есть «живой» процесс, она живет только в правовом сознании и правомерном поведении всех субъектов права, действующих именно в данное время и в данном правовом пространстве. Живет именно до тех пор, пока правомерно действуют субъекты права — носители правовой культуры данного исторического типа. С уходом с исторической арены того или иного общества закономерно уходит и его право вместе с правовой культурой вследствие того, что исчезают субъекты данного типа права — их создатели и носители, обладавшие определенным уровнем правовых знаний, правовых умений, навыков, сформировавших в полной мере свою правовую убежденность, а следовательно, совершавших правомерные действия.

Правовая культура имеет как бы две стороны, неразрывно связанные между собой, обуславливающие друг друга: внешнюю — видимую и внутреннюю — невидимую. Видимая (внешняя) сторона правовой культуры предстает в форме правомерного поведения, а невидимая (внутренняя) находится в правосознании субъектов права в виде их правовых знаний и правовой убежденности, мотивирующих и направляющих их правомерную деятельность. Невидимая, находящаяся в правосознании субъектов права часть правовой культуры непосредственно не оказывает влияния на окружающих именно вследствие невидимости правовых знаний,

¹ См.: Сальников В. П. Правовая культура // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2000. С. 630; *Его же*. Социалистическая правовая культура. Саратов, 1989.

² Семитко А. П., Русинов Р. К. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права. М., 2000. С. 331; См. также: Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск, 1990; *Его же*. Развитие правовой культуры как прогресс. Екатеринбург, 1996.

³ См.: Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 73.

правовой убежденности субъектов права. И только через свою внешнюю, видимую окружающим сторону правовая культура субъектов через их правомерное поведение обнаруживает себя, делается доступной для непосредственного восприятия окружающими, их оценки и соответствующего реагирования.

Правовая культура и продукты правовой культуры в их соотношении. Правовая культура субъектов права может быть также материализована (опредмечена) и выражена в тех или иных предметах правовой культуры. Правовая культура творцов права материализуется в таких предметах, как опубликованные ими правовые законы, указы, постановления правительства и другие источники права. Правовая культура ученого-юриста может быть выражена в форме научной статьи, монографии на правовую тему, в виде проекта нормативного правового акта и т. п. Правовая культура рядовых граждан может быть опредмечена в письменных правомерных договорах, в письмах депутатам законодательных собраний с предложениями и т. п.

Произведенные на свет субъектом права предметы правовой культуры начинают сразу же «жить» своей самостоятельной жизнью наряду с его правовой культурой, оказывая самостоятельное воздействие на правовую жизнь общества, причем, возможно, даже не на то, на которое рассчитывал их создатель. Предметы правовой культуры являются передаточным средством воздействия правовой культуры одних субъектов права на правовую культуру других. Таким образом, прежде всего через свои предметы (правовые нормативные акты, акты правоприменения и т. д.) правовая культура творцов права оказывает воздействие на субъектов индивидуальных и групповых правовых культур.

Важно заметить, что предметы правовой культуры, в отличие от правовой культуры, могут действовать, оказывать влияние в той или иной мере не только при жизни, но и после «смерти» их создателей и носителей — индивидуальных и коллективных субъектов права. Причем это влияние на судьбы правовой культуры последующих поколений и типов правовых культур не только одной, но и многих стран, а возможно, и всего человечества может быть весьма существенным, как, к примеру, предметов римской правовой культуры. Так, авторитетный исследователь эпохи формирования права Западной Европы Г. Дж. Берман подробно прослеживает огромное влияние предметов римской правовой культуры на этот процесс. Он анализирует два направления такого влияния: через каноническое право и через университеты¹. Исследуя корни канонического права, Г. Дж. Берман приходит к выводу, что церковные законы как на Западе, так и на Востоке испытали сильное влияние римского права. Были заимствованы различные понятия и нормы классического и постклассического римского права, особенно в вопросах собственности, наследования и договоров.

Продукты римской правовой культуры (законы, кодексы, отдельные нормы римского права, целые правовые институты, письменные заключения по тем или иным конкретным юридическим вопросам крупных римских ученых и т. д.) оказали огромное влияние на правовую культуру Европы не только через систему канонического права, но и через обработку и распространение его через европейские университеты. Как пишет Г. Дж. Берман, к концу XI в. вновь открытые и переписанные тексты римского права «начали изучать в разных городах Италии и других стран. Студенты объединялись и нанимали на год учителя, чтобы он объяснял им эти тексты». Одним из первых, ставший в XII—XIII вв. наиболее крупным и образцовым, был университет в г. Болонье, где «одновременно изучали право до десяти тысяч студентов».

¹ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. Немалое влияние предметы римской правовой культуры оказали и на формирование правовой культуры России. (См.: Тумов В. В. Роль римского права в формировании правовой культуры юристов России // Правовая культура. 2007. № 2).

По мнению ученого, важно, что в Болонье с самого начала преподавался «текст римского права, составленный юристами Юстиниана в VI в. Возможно даже, что сама школа была основана в основном для изучения этого текста»¹.

Сохранившийся основной «продукт» давно «умершей» развитой римской правовой культуры состоял из четырех частей: Кодекса, в который входили ордонансы и решения римских императоров до Юстиниана; Новелл, содержащих законы самого Юстиниана; Институций, краткого учебника для начинающих студентов-юристов; Дигест в пятидесяти книгах, в которых было собрано множество отрывков из сочинений римских юристов по весьма широкому кругу правовых вопросов. Интересен процесс «распредмечивания» весьма древнего «продукта римской правовой культуры» в школах права XII столетия. Его описывают следующим образом. Первостепенное значение в них отдавалось изучению Дигест, притом чтению их текста вслух. Лекция преподавателя состояла в том, что он читал вслух текст Дигест, а студенты следили за ним по своим взятым обычно в аренду рукописям и делали необходимые поправки. Если купить тексты студент был не в состоянии, то ему приходилось заучивать его наизусть. После чтения текста учитель растолковывал (как говорилось — глоссировал) его слово за словом, строчка за строчкой. Студенты записывали диктуемое между строчками своих копий — текстов.

Из вышесказанного следует, что правовые культуры субъектов права (индивидов, социальных групп и общества в целом) находятся в связи и взаимодействии друг с другом как непосредственно, так и опосредованно. Непосредственно происходит через видимую, наблюдаемую именно в данный момент деятельность этих субъектов права в правовом пространстве, их правомерное правовое поведение. Опосредованно правовая культура субъектов права как при их жизни, так и после воздействует на других субъектов права через свои продукты — качественные правовые нормативные акты, правоприменительные акты, научные произведения тех или иных ученых-правоведов, правовые договоры субъектов права и многие другие продукты правовой культуры.

Из соотношения правовой культуры субъектов права и ее продуктов в правоорганизованном обществе можно сделать два следующих вывода: 1) качество продуктов правовой культуры — качество объективного права (его норм), качество правоприменительных актов, качество интерпретационных актов и т. д. — прямо пропорционально качеству правовой культуры субъектов правотворчества, правоприменителей, толкователей права и т. д.; 2) качество функционирующих в стране продуктов правовой культуры во многом определяет эффективность правовой социализации ее населения, формирование его правовой культуры.

Социально-правовая основа структуры правовой культуры — деление ее на статусную и статусно-ролевую части. Современная социологическая наука раскрывает нам следующий механизм наделения обществом статусно-ролевыми субъективными (в том числе и юридическими) правами и обязанностями субъектов общественной жизни². В силу многочисленности и большого разнообразия субъектов общественной жизни как по демографическим, так и по профессиональным свойствам, причем с изменяющимся составом, общество не в состоянии каждому из них персонально устанавливать субъективные социальные права и обязанности (что возможно или должно делать в том или ином конкретном случае) для нормальной жизни как их, так и общества в целом. Оно осуществляет это опосредованно через свои элементарные (первичные) ячейки — статусы и роли. Социальный статус — это определенная по-

¹ Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 131.

² См.: Кравченко А. И. Социология. Общий курс. М., 2000; Социология / под ред. чл.-корр. АН СССР Р. Г. Яновского. М., 1990; Волков Ю. Г., Дотренев В. И., Нечепуренко В. Н., Попов А. В. Социология. М., 2006.

зиция определенного типа субъектов в обществе (группе), связанная с другими позициями других типов субъектов через систему взаимных прав и обязанностей этих типов субъектов. Социальная роль есть модель поведения конкретного персонифицированного субъекта, ориентированная на свой типовой статус. К примеру, статус «работодатель» имеет смысл только по отношению к статусу «работник», статус «муж» только по отношению к статусу «жена», статус «гражданин» только по отношению к статусу «государство» и т. д. Все, например, мужья и жены имеют типичный набор субъективных социальных прав и обязанностей по отношению друг к другу через свои скоординированные друг с другом статусные роли данного общества. «Таким образом, социальная структура строится по принципу „один статус — одна ячейка“. Когда ячейки заполняются индивидами, мы получаем для каждого статуса по одной большой социальной группе. В современном обществе миллионы водителей, инженеров, почтальонов, тысячи профессоров, врачей и т. д.»¹.

Социальные статусные отношения данного общества «оживают» только тогда, когда связанные ими статичные статусные ячейки данного общества заполняют люди, способные по своим качествам использовать права и исполнять обязанности, установленные обществом для этих своих статусов в безличной форме в виде социальных норм определенного вида. Статичная структура общества, таким образом, приобретает динамический характер.

Безличные (типовые) права и обязанности своих статусов общество определяет и нормирует по мере развития статусных связей. Нормировать их удается только тогда, когда они проявят себя с точки зрения общественной ценности. Стоит заметить, что их содержание носит объективно-субъективный характер. Объективно они определяются жизненной потребностью общества в данном статусе и его будущими отношениями с существующими в нем статусами. При этом, однако, возникает необходимость в сознательной координации между собой безличных статусных прав и обязанностей в обществе. Ибо стихийное соотношение между ними будет носить весьма неопределенный и хаотичный характер, так как объективно существует возможность многих вариантов соотношения прав и обязанностей, к примеру мужа и жены, работодателя и работника, водителя и пешехода, гражданина и государства и т. д.

Социальные статусные отношения и контроль за реализацией социальных норм в государственно-организованном обществе нормируются и контролируются либо самим обществом непосредственно, либо через государство и другие общественные организации. Социальные нормы в силу этого отличаются друг от друга как субъектом и процессом установления, так субъектом и процессом обеспечения своего воплощения в жизнь общества и местом в структуре социальных норм данного общества. По этим критериям в юридической науке социальные нормы принято делить на четыре вида — нравственные, правовые, корпоративные и обычные. Вместе с тем взаимосвязь социальных норм не лишает их специфики нормирования безличных прав и обязанностей социальных статусов государственно-организованного общества, которые по виду социальных норм также делятся на нравственные, правовые, корпоративные и обычные. Следовательно, и социальные отношения статусов делятся также на нравственные, правовые, корпоративные, обычные. Люди (их организации), входя в роль соотносящихся между собой статусов данного общества, тем самым индивидуализируют их общие (безличные) права и обязанности, превращая в свои субъективные права и обязанности — содержание конкретного (единичного) общественного отношения друг к другу.

Таким образом, правовое пространство государственно-организованного общества, его правопорядок как система правоотношений состоит из правоотношений

¹ Кравченко А. И. Указ. соч. С. 195.

двух типов: а) первичных статусных безличных статичных; б) вторичных статусно-ролевых персонифицированных (личностных) динамичных. Первичные статусные правоотношения являются базовой подсистемой, статичной основой правопорядка. Второй уровень данного правопорядка, его динамическую подсистему составляют конкретные личностные правоотношения. Второй уровень по своему объему многократно превосходит первый, в нем собственно и протекает реальная правовая жизнь субъектов права в данном общественном правовом пространстве.

Содержание первичных безличных статусных общерегулятивных правоотношений, состоящих из взаимно скоординированных безличных юридических прав и обязанностей, сопряженных между собой социальных статусов, представит перед субъектами права, выступившими в роли данных сопряженных статусов, в виде продуктов правовой культуры законодателя: юридические права — в образе управомочивающих норм права, а юридические обязанности — как обязывающие и запрещающие правовые нормы. Удовлетворение потребности субъектов права в той или иной статусной роли связано с наличием у них достаточного уровня правовой культуры. В данном случае на основе общих знаний объективного права, его познанной ценности субъекту права необходимо знать желаемую статусную роль, уметь правомерно вступить в нее, использовать предоставленные ему данной ролью субъективные права, а также исполнять (соблюдать) налагаемые на него данной статусной ролью субъективные юридические обязанности.

Итак, в силу того, что правоотношения по своей социальной природе имеют двустороннюю основу, которая делит их на два взаимосвязанных и глубоко взаимопроникающих друг в друга типа (статусные и статусно-ролевые), сознательно правомерно жить в такой среде могут только субъекты, овладевшие культурой использования оба их типа. Для этого правовая культура должна носить двусторонний характер. Она делится на две взаимопроникающие части — статусную (общую) и статусно-ролевую (личностную) часть.

Структура статусной (общей) части правовой культуры. Общая часть правовой культуры субъектов права представляет собой единство (сплав) знаний ими объективного права, позитивной правовой убежденности в нем и в социально-правовой активности использования его для достижения своих правомерных целей.

Знание объективного права — первый элемент общеправовой части правовой культуры субъектов права. Он кладет начало всей правовой культуре. Порой знание права сводят к знанию конкретных правовых норм. «Знание права, — пишут А. И. Долгова и Г. И. Миньковский, — означает не что иное, как знание правовых норм»¹. Такой подход к знанию права весьма ограничивает, на наш взгляд, содержание данного понятия. Хорошо известно, что право — это не сумма правовых норм, а система. Истинное глубокое знание права невозможно без понимания его природы, исторической необходимости, сущности, основных принципов, назначения и роли в жизни человека и общества. Знание права означает не только знание содержания правовых норм, но и знание способов их реализации и защиты. Важной частью общих правовых знаний личности должны стать знания ими своих основных конституционных прав и обязанностей. Они являются основой их правового статуса.

Позитивная правовая убежденность субъектов права — второй необходимый структурный элемент общей части их правовой культуры. Правомерное поведение определяют только правовые знания, пропущенные через правовые эмоции и чувства субъектов права и сформировавшие у них правовые положительные убеждения, правовые установки. По глубокому убеждению К. Маркса, идеи, которые «овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает

¹ Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 69.

нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»¹.

Правовое убеждение (убежденность) субъекта имеет довольно сложное содержание, оно включает в себя рациональный, эмоциональный и волевой компоненты. Рациональный — это осознанное правовое знание или результат осознания определенной правовой идеи (идей). Эмоциональный компонент составляют правовые чувства, эмоции и другие социально-психологические образования субъекта, закрепляющие осознанную правовую идею (идеи) и вместе с тем закрепляемые ею. Волевой компонент представляет собой волю, направленность субъекта к действию, заданную данной правовой идеей, правовыми предписаниями, закрепленными положительными правовыми убеждениями.

Каждый из названных компонентов занимает особое место в структуре правового убеждения субъекта, внося необходимый вклад в целостность данного элемента и всей его правовой культуры. Правовое убеждение субъекта права не будет образовано при дефекте хотя бы одного из его компонентов.

Правовое убеждение субъекта права не есть просто усвоенное и осознанное знание права. Это знание еще должно приобрести соответствующую эмоциональную окраску, получить закрепление в его чувственной сфере. «Эмоция — это нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия человека»². Мотивируя, эмоция мобилизует энергию, и эта энергия ощущается субъектом как тенденция к совершению действия. Эмоция руководит мыслительной и физической активностью индивида, направляет его в определенное русло. Эмоции фильтруют наши восприятия, они «предполагают сотрудничество психического и телесного, задействующее все уровни личности»³.

Когда эмоция возникает в ответ на мысленный образ, символ, представление, то можно говорить о сформированной связи между мыслью и чувством. Эмоция по определению не может быть бессознательной, это всегда в большей или меньшей степени осознаваемый опыт⁴. Среди всех человеческих эмоций особо выделяется значимость эмоции интереса. «Эмоция интереса, — пишет К. Э. Изард, — рассматривается нами как доминирующее мотивационное состояние в повседневной деятельности полноценного, здорового человека. Мы считаем, что в обычном состоянии сознания человек постоянно переживает какую-либо эмоцию и что чаще всего его перцептивно-когнитивная деятельность и поведение направляются эмоцией интереса»⁵. И далее: «Невозможно переоценить то значение, какое имеет эмоция интереса — возбуждения для индивидуального развития, становления личности и социализации человека...»⁶

Эмоция интереса к праву, будучи необходимой базовой частью правового убеждения субъекта права, обладающего высокой правовой культурой, постоянно направляет его действия на углубление существующих и приобретение необходимых новых правовых знаний, правовых умений и правовых навыков. Кроме того, она способствует совершению правомерных эффективных действий, соответствующих многообразию его социальных ролей.

Эмоциональный компонент правовой убежденности в структуре правовой культуры субъекта права включает в себя не только правовые эмоции, но и право-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 118.

² Изард К. Э. Психология эмоций. М., 2003. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 122.

⁶ Там же. С. 124.

вые чувства. Чувства (в том числе и правовые) по психологической природе — это устойчивые условно-рефлекторные образования в сознании человека, составляющие основу его эффективно-волевых реакций в различных ситуациях. По социальному содержанию правовые чувства представляют собой субъективные отношения человека к различным сторонам правовой жизни общества — праву в целом, его отраслям, институтам, отдельным нормам, субъективным правам и обязанностям и т. д. В отличие от ситуативных правовых эмоций, вызванных субъективным значением правовых явлений в конкретных условиях (например, радость, восторг при реализации своего права на какие-либо блага — жилище, хорошую заработную плату и т. п.), правовые чувства отражают правовые явления, имеющие стабильную мотивационную значимость (необходимость данного права, его справедливость или несправедливость, законность и т. п.).

В процессе эмоционально-чувственного переживания, вызванного правовыми явлениями, должен произойти сплав, синтез осознанного знания права (рациональный элемент) и правовых эмоций и чувств (эмоциональный элемент). Их сплав есть неперенная предпосылка формирования соответствующего третьего (волевого) элемента — содержания правовой убежденности субъекта права. Волевой элемент придает завершенность, целостность правовому убеждению субъекта права, так как воля (от лат. *voluntas*) есть способность субъекта права к выбору цели правомерной деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления.

И только на такой основе формируется качественная социально-правовая активность субъектов — третий завершающий элемент их общей части высокой правовой культуры.

Социально-правовая активность субъектов права — завершающий элемент общей части правовой культуры субъектов права. Он является результирующим компонентом их правовой культуры, приводящим в действие ее предыдущие элементы. Кроме того, только социально-правовая активность субъекта требует от него и позволяет ему постоянно расширять, углублять, совершенствовать свои правовые знания, правовую убежденность.

Статусно-ролевой (конкретный) уровень правовой культуры, его структура.

Статусно-ролевая часть правовой культуры субъектов права носит двусторонний характер в силу того, что субъективное право выступает только одной стороной правового регулирования поведения субъектов права. Другой его стороной является субъективная обязанность. Сторона статусно-ролевой части правовой культуры субъекта права, которая обеспечивает его субъективное право, именуется правомочной стороной, а обеспечивающая его субъективная обязанность — правообязанной. Каждая сторона статусно-ролевой части правовой культуры субъектов права обладает своим сложным содержанием.

В юридической науке общепризнано, что правовую свободу субъекта права, ее границы и содержание определяет его субъективное право посредством своих правомочий. По поводу же природы и содержания самого субъективного права в юридическом ученом мире, однако, до сих пор продолжают дискуссии начавшиеся столетия назад.

Многочисленные теории о сущности и содержании субъективного права И. В. Михайловский распределил согласно их основаниям в три группы — теория воли, теория интереса и теория свободы¹. В теории воли сущность субъективного права сводится к воле того субъекта, кому принадлежит данное право. Наиболее распространенной оказалась теория интереса, создателем которой признан Рудольф Иеринг. Субъективное право, по его мнению, включает два элемента: ма-

¹ См.: Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 43.

териальный (субстанционный) — польза, выгода, интерес и формальный — юридическая защита этого интереса, защита в форме иска. Следовательно, субъективное право есть интерес, защищенный иском, или юридическая обеспеченность пользования интересом. Теории воли и интереса многими учеными-юристами подвергались обстоятельной критике как весьма односторонние. Но и позиция сторонников теории свободы сущности субъективного права оказалась также уязвимой, и они вынуждены были под воздействием критики маневрировать.

Непростая судьба сложилась у понятия субъективного права и его сущности в советской теории права. В период тоталитаризма делались попытки вовсе устранить из нее это понятие. «Эта категория, — пишет Н. И. Матузов, — была объявлена „устаревшей и ненужной в науке, методологически неверной“, „не соответствующей социалистическим отношениям“, а в сохранении ее усматривалось „влияние буржуазной юриспруденции“»¹.

И только в 1958 г. С. Ф. Кечекьян в своем известном труде «Правоотношения в социалистическом обществе» сумел сказать правду: «Субъективное право, то есть право отдельных лиц, составляет совершенно необходимое понятие правовой системы и правовой науки»².

После этого в нашей теории права стали широко обсуждаться понятие субъективного права, его содержание, соотношение с объективным правом и т. д. Среди исследователей, как и в дореволюционной юридической науке, были приверженцы всех трех теорий субъективного права — теории воли, теории интереса и теории свободы³. В ходе дискуссии большинство ученых пришли к интегративной точке зрения на содержание сущности субъективного права: выделение в содержании субъективного права три правомочия: 1) право на собственные действия правомочного лица; 2) право требовать соответствующего поведения от обязанного лица; 3) право прибегнуть к мерам государственного принуждения правообязанного лица к исполнению его обязанностей в случае неисполнения их добровольно.

Ныне (уже в который раз) в содержание субъективного права в качестве его «принципиального» правомочия Н. И. Матузов предлагает включить и «право-пользование». Как он указывает, такое правомочие в субъективном праве выделялось еще в дореволюционной литературе (Д. Д. Grimm, Н. М. Коркунов). Момент пользования есть не цель субъективного права, а его содержательный элемент. Потому-то и стремятся к установлению таких правоотношений, в которых субъективное право дает возможность пользоваться тем или иным благом.

Прежде чем перейти к анализу содержания правомочной стороны статусно-ролевой части правовой культуры субъектов права необходимо определиться с вопросом — сколько же на самом деле правомочий содержится в субъективном праве субъектов права. Действительно ли, как утверждает Н. И. Матузов, «у разных прав их больше или меньше». Согласно этой точки зрения их у субъективного права собственности три, у субъективных политических прав их может быть пять-семь, субъективное право может состоять даже из одного правомочия (тогда они совпадают). А вот четыре правомочия — право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование — общее понятие субъективного права отразило в своей структуре лишь потому, что они наиболее принципиальны и наиболее распространены. И что же тогда получается с этим общим понятием «субъективное

¹ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 71.

² Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 57.

³ Подробнее об этом см.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1971; и др.

право»? Оно таковым не является, так как не охватывает всего разнообразия субъективных прав.

На наш взгляд, содержание всех конкретных субъективных прав всех субъектов права для обеспечения их подлинной правовой свободы в правовом пространстве общества должно включать все четыре правовые возможности (правомочия) — право-поведение, право-требование, право-притязание, право-пользование. И только наличие всех этих правомочий составляет реальное субъективное право субъекта права, вступающего в те или иные правоотношения, обеспечивая его свободу в правоорганизованном обществе.

Игнорирование этой истины приводит к искажению представлений о структуре субъективного права. В частности, происходит смешение статического и динамического состояния субъективного права. В статике субъективного права, действительно, четыре правомочия и все они главные. Но в процессе функционирования они приобретают различный характер и различное значение в различных видах конкретных правоотношений. В той или иной правовой деятельности свободу правомерных действий субъекту права могут обеспечивать не все правомочия его субъективного права, вместе взятые. Скажем, право Петрова владеть, пользоваться и распоряжаться своим загородным домом, если ему в этом никто не препятствует, обеспечивается только двумя правомочиями его субъективного права собственности на этот загородный дом — правом-поведением и правом пользования. Воплощаются в жизнь эти правомочия Петрова посредством его реального владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Но при этом никуда не исчезают и другие правомочия его субъективного права собственности. Они находятся «в тени», но объявятся, если кто-то станет незаконно претендовать на данную собственность Петрова или чинить какие-либо препятствия пользованию ею. Для обеспечения своей правовой свободы владеть, пользоваться и распоряжаться своим загородным домом Петров может использовать находящиеся в «тени» правомочия своего субъективного права собственности — право-требование, если его будет недостаточно, то и право-притязание.

Свобода субъекта общественной жизни (в том числе и правовая) носит ограниченный характер. Она ограничена свободой окружающих его субъектов данного общества. Но так как общество не является аморфным социальным феноменом, а имеет строго определенную статусную структуру, то и свобода живущих в нем людей носит организованный характер, она определяется данной статусной структурой общества. Как показано выше, социальные статусы и социальные отношения между ними имеют объективно-субъективную природу. Как статусные права и обязанности, так и межстатусные общественные отношения нормированы обществом и его организациями объективными социальными нормами. Этими социальными нормами — нравственными, правовыми, корпоративными и обычными — определены границы и объемы субъективных прав и обязанностей как настоящих, так и будущих обладателей ролей социальных статусов данного общества. Отсюда любая свобода — нравственная, правовая, корпоративная — в данном обществе будет зависеть от того, какие статусные роли субъект займет и насколько активно пожелает и сумеет воспользоваться их субъективными правами.

Каждый единичный факт статусно-ролевой части правовой культуры субъекта права — это сложное психологическое и социальное правовое образование. Оно состоит из трех-четырех взаимосвязанных и обуславливающих друг друга компонентов. Количество их зависит от способа приобретения субъектом права своей статусной роли. Одни субъект получает без своего волевого участия — автоматически, в силу своих демографических качеств. Например, гражданин России достигает совершеннолетия (18 лет) и автоматически приобретает роль в социальном статусе

«избиратель» со всеми его юридическими субъективными правами и обязанностями. Но большинство статусных ролей — рабочего, инженера, врача, депутата, студента и т. д. — субъект права может приобрести только посредством своих целенаправленных действий согласно установленным правилам.

Итак, если субъект права свое субъективное право в той или иной статусной роли получает от общества «автоматически», то его активное и эффективное использование требует трех этапов действий: а) познания и глубокого осознания правомочий данного субъективного права; б) их положительной эмоционально-чувственной оценки и твердой волевой решимости реализовывать; в) социально-правовой активности их реализации в своем правомерном поведении. Весь процесс развивается в условиях пребывания субъекта права в автоматически приобретенной статусной роли.

Приобретение субъектом права социальной статусной роли по своей осознанной воле усложняет структуру единичного факта правомочной стороны статусно-ролевой части правовой культуры субъекта права. В нее включается новый элемент — цель данной роли. Эта цель требует от субъекта, чтобы он еще до вступления в данную статусную роль хорошо изучил правомочия своего будущего статусно-ролевого субъективного права, определил их ценность для удовлетворения своих потребностей и интересов, оценил свою готовность к реализации своих будущих правомочий и при ее недостаточности наметил и реализовал план подготовки к желаемой роли. Для занятия сложных ролей в социальных статусах инженера, летчика, врача, учителя, ученого, экономиста, юриста и т. п. субъект права готовится годами, теоретически и практически глубоко постигает содержание своих правомочий и практику их активного использования в будущей профессиональной деятельности. Не меньшее внимание при этом он должен уделить и своим будущим субъективным статусно-ролевым юридическим обязанностям.

Правообязанная сторона статусно-ролевой части правовой культуры. В отечественной юридической науке преобладает государственно центристский подход к природе субъективной обязанности¹. На наш взгляд, юридическая обязанность субъектов права, как и их юридическое право, имеет естественную природу и естественные границы, ибо право человека делать все, что он хочет в обществе, порождает и его обязанность — не нарушать при этом ничьей свободы. Иначе говоря, каждый человек должен нести социальную ответственность за свободу окружающих его людей. Содержание конкретной субъективной юридической обязанности субъекта права определяется той статусной ролью, которую он займет в том или ином нормированном правом социальном статусе и за реализацию каких конкретно правомочий управомоченного лица он обязан отвечать посредством исполнения (соблюдения) своей статусно-ролевой (субъективной) юридической обязанности. Данная субъективная (статусно-ролевая) юридическая обязанность данного субъекта права есть вид и мера содержания его юридической ответственности перед управомоченным субъектом права, обеспечивающая его правовую свободу.

Субъективная юридическая обязанность имеет сложный характер. Однако «в специальной юридической литературе структура юридической обязанности долгое время не раскрывалась — внимание концентрировалось главным образом на структуре субъективного права».² Поэтому сегодня в юридической лите-

¹ См.: Рудаков А. А. Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 5.

² Теория государства и права. М., 2000. С. 528. Об этом пишет и А. А. Рудаков, исследовавший права и обязанности как парные юридические категории: «Ранее большинство ученых рассматривали исследуемые парные категории лишь в отдельности, не отражая в полной степени особенностей взаимодействия прав и обязанностей как парных категорий, преобладал государственно центристский подход к разбираемым феноменам» (См.: Рудаков А. А. Указ. соч. С. 5).

ратуре наблюдается большой разницей в определении содержания субъективной обязанности. Вот только несколько примеров. Субъективная юридическая обязанность: А) «проявляется в трех формах: 1) пассивное поведение... 2) активное поведение... 3) юридическая ответственность...»¹; Б) «три вида юридических обязанностей: 1) активного поведения, 2) воздержание от действий, 3) претерпевание примененных санкций»²; В) «может выражаться: в воздержании от совершения запрещенных действий; в совершении определенных действий»³.

Весьма важен анализ содержания и структуры субъективной юридической обязанности в единстве с субъективным юридическим правом субъектов правоотношений⁴. Слагаемые юридической ответственности — это своего рода отдельные долженствования (наподобие правомочий в субъективном праве). Можно согласиться с предложенной четырехэлементной структурой субъективной обязанности, при этом, однако, не согласиться с предложенным содержанием некоторых ее элементов и местами элементов в указанной структуре.

На наш взгляд, структура субъективной обязанности в статусно-ролевом относительном правоотношении в статичном состоянии включает четыре следующих долженствования, расположенных в следующем порядке: 1) необходимость совершать предусмотренные правомочиями управомоченного лица действия в его пользу; 2) не препятствовать управомоченному пользоваться благами, предусмотренными его правомочиями; 3) реагировать на законные требования управомоченного лица; 4) выполнять эти требования под принуждением при их игнорировании. В абсолютном же статусно-ролевом правоотношении в статичном состоянии субъективная обязанность субъекта права состоит только из трех вышеуказанных долженствований — второго, третьего, четвертого.

В динамике три или четыре указанных долженствования субъективной обязанности субъекта правоотношения не «включаются» одновременно для обеспечения противостоящего ему субъективного права. Так, если перед управомоченным субъектом конкретного относительного правоотношения окажется высоко правокультурное правообязанное лицо, то субъективное право будет обеспечено осознанно и добровольно без каких-либо дополнительных требований со стороны управомоченного лица и тем более властного принуждения его к этому. В таком случае останутся неиспользованными третий и четвертый элементы субъективной обязанности данного правообязанного лица.

Содержание единичных фактов правовой культуры правообязанной стороны статусно-ролевой части включает три компонента: 1) знание субъектом права своей субъективной обязанности, занимаемой им статусной роли; 2) позитивную правовую убежденность в ее ценности; 3) ее волевое воплощение в своем правомерном поведении. Каждый из указанных элементов содержания единичного факта правообязанной стороны статусно-ролевой части правовой культуры субъектов права имеет свое сложное содержание и выполняет особую интеграционную роль.

Каждый конкретный факт статусно-ролевой части правовой культуры правообязанного лица начинается с познания им своих субъективных ролевых правовых обязанностей. Его правовые знания должны совпадать с теми правовыми требованиями общества к поведению обязанного лица, которые оно с помощью государства нормативно «заложило» в роли данного социального статуса. Качество знаний субъектом права своих субъективных юридических обязанностей во многом зависит от качества

¹ Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 1995. С. 192.

² Сырых В. М. Теория государства и права. М., 1988. С. 290.

³ Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 2000. С. 337.

⁴ См.: Теория государства и права. С. 528–529.

его познавательной деятельности. Качественная же познавательная деятельность субъекта права характеризуется как минимум тремя основными свойствами — осознанностью, направленностью и умением самостоятельно пополнять и углублять свои правовые знания. Осознанность правопознавательной деятельности — ее первостепенное свойство. Она требует от субъекта права дать прежде всего себе отчет в правомерности данной субъективной обязанности и определить, кому он обязан и чем конкретно. Такой обоснованный отчет субъект права может получить только в том случае, если направит усилия на надежный и качественный источник познания объективного права, отыскание его обязывающих и запрещающих правовых норм, которыми нормирован тот социальный статус, роль в котором он занимает или собирается занять. Знание и умение субъекта права самостоятельно извлекать из норм права первоисточник и истинную информацию о содержании своих статусно-ролевых субъективных обязанностях есть важнейшее свойство высокого уровня правокультурного субъекта права. Такой субъект права способен не только быстро находить требуемые нормы права, но и подвергать их адекватному толкованию.

Правовая убежденность — второй элемент единичного факта правообязанной стороны статусно-ролевой части правовой культуры субъекта права. В этой части у субъекта права происходит внутренняя психологическая «обработка» полученных правовых знаний о содержании своей конкретной статусно-ролевой субъективной обязанности. В общей части своей правовой культуры субъект права вырабатывает свою положительную правовую убежденность в объективном праве в целом, а в единичном факте своей конкретной части правовой культуры он должен выработать такую положительную убежденность в полученных знаниях своей конкретной статусно-ролевой субъективной обязанности. Их надо также выработать собственным мышлением, которое непременно должно совершиться самостоятельно в его собственной голове.

Положительная правовая убежденность правообязанного субъекта начинается с осознания необходимости и ценности познанной им конкретной субъективной обязанности. Глубина осознания конкретной субъективной обязанности во многом определяет и глубину всей убежденности правообязанного субъекта в ней, но не исчерпывает ее. Даже глубоко осознанное субъектом права знание своей конкретной субъективной обязанности еще не гарантирует ее реализацию. Эта конкретная субъективная обязанность должна вызвать у правообязанного субъекта свою положительную эмоционально-чувственную оценку, так как знания непосредственно не возбуждают его волевую деятельность. Между знаниями и волевой сферой находится эмоционально-чувственная сфера, которая обеспечивает их взаимодействие. По мнению К. Э. Изарда, «эмоция — это нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действие человека»¹.

Положительная эмоция, мотивируя правообязанного субъекта, мобилизует его энергию, которая ощущается им как тенденция к совершению своей конкретной субъективной обязанности. Эмоции, фильтруя наши восприятия, «предполагают сотрудничество психологического и телесного, задействующее все уровни личности»². Если положительные правовые эмоции правообязанного субъекта возникли в ответ на мысленный образ осознанной им своей конкретной субъективной юридической обязанности, то, следовательно, в его психике сформировалась неразрывная связь между этим образом и чувством необходимости ее реализации. Эта взаимосвязь мысленного образа конкретной субъективной юридической обязанности и чувственное желание реализовать

¹ Изард К. Э. Указ. соч. С. 27.

² Там же. С. 30.

ее на практике возбуждает волевую сферу правообязанного субъекта. Волевой элемент придает завершенность, целостность правовой убежденности правообязанного субъекта в ценности и необходимости реализовать данную конкретную свою субъективную юридическую обязанность. Воля как завершающий элемент правовой убежденности есть способность правообязанного субъекта к внутренним усилиям принять твердое решение реализовать на практике осмысленную и позитивную чувственно воспринятую конкретную субъективную обязанность. В этом случае в правовую убежденность правообязанного субъекта включается только первый аспект его воли. Ибо воля по своей структуре распадается на два взаимосвязанных и взаимообусловленных элемента: 1) принятие решения; 2) его реализация¹. Принятие волевого решения реализовать конкретную субъективную юридическую обязанность правообязанным субъектом не происходит автоматически. Нередко в его сознании возникает борьба мотивов «за» и «против». Особенно ожесточенной она может быть при несовпадении его актуальных конкретных интересов и требования его конкретной субъективной юридической обязанности. В таких случаях только правообязанный субъект, обладающий высоким уровнем общей правовой культуры, способен принять твердое волевое решение в пользу правомерного поведения.

Волевая реализация правообязанным субъектом своей конкретной статусно-ролевой субъективной юридической обязанности в правомерном поведении — третий элемент содержания единичного факта правообязанной стороны статусно-ролевой части правовой культуры субъекта права. Он завершает содержание данного единичного факта указанной правовой культуры. Этот третий элемент, базируясь на двух предыдущих элементах единичного факта статусно-ролевой части правовой культуры правообязанного лица, делает их в определенной мере и в определенном смысле «прозрачными», доступными для внешнего наблюдения.

Третий элемент содержания единичного факта статусно-ролевой части правовой культуры правообязанного субъекта права реализует юридическую ответственность правообязанного субъекта перед управомоченным, а тем самым и перед обществом, и перед государством, которое нормировало обязывающими и запрещающими нормами права данный социальный статус.

¹ См.: Гамезо М. В., Домашенко И. А. Атлас по психологии. М., 2001. С. 97.